

На правах рукописи

СКЛЯРОВ Олег Николаевич

**НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА:
ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕНЦИИ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ**

Специальность 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2015

Работа выполнена на кафедре теории литературы филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный консультант

профессор, доктор филологических наук
Клинг Олег Алексеевич

Официальные оппоненты:

Тюпа Валерий Игоревич
доктор филологических наук, профессор
Российский государственный гуманитарный
университет,
заведующий кафедрой теоретической и
исторической поэтики историко-
филологического факультета

Московская Дарья Сергеевна
доктор филологических наук, профессор
Институт мировой литературы имени
А.М. Горького РАН,
заведующий отделом рукописей

Красильников Роман Леонидович
доктор филологических наук, доцент
Вологодский государственный университет,
профессор кафедры теории,
истории культуры и этнологии

Ведущая организация: Владимирский государственный университет имени А.Г. и
Н.Г. Столетовых

Защита состоится 12 марта 2015 г. в 16:00 часов на заседании диссертационного
совета Д 501.001.32 при Московском государственном университете имени М.В.
Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В.
Ломоносова, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический
факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова и на сайте филологического
факультета: www.philol.msu.ru.

Автореферат разослан « » _____ 2015 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент

О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Нельзя не признать, что в литературоведении XX века аксиоматика традиции, преемственности, творческого наследования подверглась ощутимому давлению со стороны авангардно ориентированных течений поэтико-эстетической мысли. И даже там, где идея межпоколенческой солидарности избежала прямого поругания, концепт традиции оказался существенно потеснен такими терминами поэтики, как «цитата», «реминисценция», «подтекст», а позднее – всеобъемлющим понятием «интертекстуальность»¹. На протяжении ряда десятилетий понятие «традиция» преимущественно использовалось либо в качестве обозначения дифференцированных и частных аспектов соприкосновения с опытом прошлого, либо, в консервативном изводе традициологии, – в некоем не до конца отрефлексированном и по умолчанию комплиментарном значении. Во втором случае нередко с упорством отстаивалось пассивно-охранительное понимание традиции как альтернативы любому инновационному движению². В постмодернистском литературоведении, при всем его внимании к подробностям и оттенкам интертекстуальных связей, феномен зависимости от предшественников оказался по существу изъят из концептуальной (и позитивно окрашенной) сопряженности с понятиями «преемственность», «наследование» и «предание», полагающими основной акцент на сознательно-ответственном участии творца в духовной «эстафете» поколений, в соборно мыслимом «общем деле» культурного созидания.

В современном литературно-критическом и литературоведческом обиходе понятия «традиция», «традиционность», «традиционализм» зачастую употребляются нестрого и в силу этого приобретают самые разные, подчас

¹ См.: Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2005. С. 366-367.

² Предельным выражением неприятия культурно-исторического развития является учение Рене Генона и его последователей о «примордиальной» Традиции, верность которой предполагает радикальное отречение едва ли не от всех культурных завоеваний Нового времени.

противоположные коннотации. В отдельных случаях они могут подразумевать невосприимчивость писателя к тому расширению стилового диапазона искусства, которое принес с собою XX век, или верность привычным, общепринятым формам литературной манифестации традиционных религиозно-нравственных ценностей. Иногда имеется в виду приверженность национально-культурной архаике, фольклорно-мифологическим истокам народного сознания и т.п. Если добавить к этому широко распространенную в науке и журналистике практику отождествления традиционализма с фундаментализмом и радикальным антиисторизмом (см. об этом в §§ 1. 1 и 1. 5 первой главы диссертации), то проблема теоретического прояснения и уточнения круга понятий, связанных с концептом традиции, предстает особенно актуальной. В еще большей мере это относится к неклассическим формам бытия традиции и к новым формам творческого традиционализма, складывающимся в искусстве XX столетия.

Другой аспект актуальности исследования определяется необходимостью поиска убедительной альтернативы попыткам свести целостную картину отечественной словесности XX века к непримиримому противоборству духовно-ответственного и «свободного» подходов к творчеству. Непродуктивность подобных схем обусловлена тем, что постклассическая открытость новому, готовность к метаморфозам априори противопоставляется здесь ценностям традиции. В результате искусству слова поневоле навязывается жесткий выбор между преемственностью и индивидуальной инициативностью творческих исканий – ложная альтернатива, основанная на убеждении, будто между охранительным нормативизмом и циничным произволом нет и не может быть никакого «срединного» пути. В ходе исследования нами двигало желание выявить в пространстве новейшей русской словесности такие линии развития, которые, будучи в полной мере причастны постклассическому сознанию модерна, тем не менее не только не порывают с культурным наследием прошлого, но – напротив – с новой силой актуализируют классические универсалии и вечные аксиологемы.

Решающую роль в деле выявления и научного описания подобных феноменов сыграли труды В.Жирмунского, Л.Гинзбург, С.Аверинцева, Н.Лейдермана, В.Келдыша, В.Хализева и мн. др. ученых. Пожалуй, самый сильный импульс в этом направлении был дан разработками В.Тюпы, выдвинувшего в середине 90-х годов гипотезу о существовании в искусстве XX века особого «вектора» художественных устремлений, соединяющего в себе онтологизм и ответственность классического мышления с диалогической открытостью и свободой постклассического творческого сознания³. Для обозначения данной линии исканий, равно альтернативной авангарду и соцреализму, ученым был предложен термин «неотрадиционализм». Специалисты, вслед за В.Тюпой включившие названное понятие в свой исследовательский инструментарий, в большинстве своем пользуются им либо как вполне определенным и устоявшимся, не подвергая научной рефлексии (Е.Тахо-Годи, М.Хатямова, Е.Тырышкина), либо в качестве своеобразного аналога или эквивалента таких историко-литературных номинаций, как «русская семантическая поэтика», «неореализм», «метареализм», «постреализм» и т.п. (Н.Петрова, Ж.Баратынская и др.). В отдельных случаях термин «неотрадиционализм» трактуется слишком широко или включается в принципиально иные контексты и, приобретая новые коннотации (как, например, в работах И.Есаулова), частично меняет свое изначальное значение⁴.

Необходимость восполнения теоретических пробелов в осмыслении неотрадиционализма (как историко-литературного феномена и как литературоведческого концепта) составляет еще один, крайне важный аспект актуальности данного диссертационного исследования.

³ См.: Тюпа В.И. Поляризация литературного сознания // *Literatura rosyjska XX wieku*. Warszawa, 1992; Тюпа В.И. Четыре парадигмы художественности в литературном сознании XX века // *Русская культура и мир*. Нижний Новгород, 1993; Тюпа В.И. Постсимволизм. Теоретические очерки русской поэзии XX века. Самара, 1998.

⁴ См. об этом в разделе «Степень изученности темы», а также в § 2. 8 диссертации.

Проблемное поле исследования

Проблематика диссертации определяется необходимостью преодолеть ряд теоретико-методологических затруднений, обусловленных следующими обстоятельствами:

- непродуктивность распространенных концепций литературного процесса, в рамках которых идея преемственности и культурного наследования либо дезавуируется как анахронизм, препятствующий свободному творческому поиску, либо утверждается в качестве безусловной ценности, но при этом мыслится в неразрывной связи с идейно-художественным консерватизмом и пассаизмом;

- существование литературоведческого термина «неотрадиционализм» в не до конца отрефлексированном и потому не вполне определенном значении; несогласованность между различными применениями данного термина;

- недостаточная проясненность в вопросах о соотношении

- 1) литературного неотрадиционализма, сложившегося в неклассическую эпоху, и классического («рефлексивного») традиционализма,

- 2) концепта «неотрадиционализм» и смежных с ним или мнимо-тождественных ему концептов, как то: «классичность», «традиционность», «неоклассицизм», «традиционная культура» и т.д.,

- 3) концепта «неотрадиционализм» и таких теоретически идентичных ему теоретических конструктов, как «русская семантическая поэтика» (Ю.Левин и др.), «метареализм» (М.Эпштейн), «постреализм» (Н.Лейдерман) и т.д.;

- неполная ясность в вопросе о разграничении, с одной стороны, известных исторических форм традиционализма, принадлежащих до-индивидуалистическим эпохам развития культуры (и тесно связанных с авторитарно-нормативистскими, монологическими стратегиями письма), и, с другой стороны, его субстанциального (мета-исторического) ядра, сохраняющего свое актуальное присутствие в литературном процессе Нового и Новейшего времени. Недостаточная отчетливость в понимании исторических

метаморфоз традиционного творческого сознания и, в частности, его трансформаций в условиях неклассического времени;

- неполнота философско-эстетических и, в частности, эстетико-аксиологических и онтологических характеристик неотрадиционального типа творческого мышления;

- недостаточная определенность в вопросе о взаимодействии в неотрадициональном творческом сознании, с одной стороны, исконных универсалий традиционализма и, с другой стороны, пост-традиционалистских и постклассических новообразований, проявившихся в словесности XX - XXI веков;

- наличие пробелов в теоретическом осмыслении связи (корреляции) между философско-эстетическими интенциями и художественными стратегиями неотрадиционализма;

- недостаточная определенность литературоведческого статуса термина «неотрадиционализм» в системе таких категорий, как «литературное направление / течение», «школа», «творческий метод», «тип художественного сознания» и т.п.⁵

Кроме того, важной составляющей проблемного поля диссертации является вопрос о хронологических границах того историко-литературного периода, в рамках которого мы можем идентифицировать неотрадиционализм как определенное, целостное и исторически конкретное явление.

На сегодня очевидно, что намеченная В.Тюпой концепция неотрадиционализма, обладая огромным потенциалом продуктивности, настоятельно вызывает к дальнейшему уточнению и углублению. На данный момент отчетливо обозначены только самые общие контуры названного комплекса явлений и лишь некоторые основополагающие признаки неотрадициональных художественных стратегий. Остается много неясностей и теоретических лакун в понимании того, каковы первичные, базовые

⁵ Следствием этого является упоминание неотрадиционализма в одном типологическом ряду с наименованиями стадийальных формаций и литературных направлений (как то романтизм, реализм и т.п.).

философско-аксиологические и ценностно-онтологические предпосылки неотрадиционального творческого сознания, в чем состоит субстанциальная общность исконного традиционалистского мышления и нового (неклассического) традиционализма, как проецируются философско-эстетические принципы неотрадиционализма в область художественного творчества и как они воплощаются в конкретных практиках письма.

Степень изученности темы

Теоретико-методологический фундамент изучения неклассической традициоцентричности в русской литературе XX века был заложен исследованиями В.Жирмунского, К.Мочульского, В.Вейдле, Л.Гинзбург. Огромный вклад в разработку данного направления литературной традициологии внесли Д.Е.Максимов, Ю.Лотман, З.Минц, С.Аверинцев, М.Гаспаров, С.Бочаров. В последние десятилетия исследование специфических форм актуализации традиционных универсалий в неклассическом художественном сознании было успешно продолжено в трудах В.Хализева, И.П.Смирнова, Р.Тименчика, Ю.Левина, Д.Сегала, Т.Цивьян, С.Бройтмана, Н.Лейдермана, В.Келдыша, М.Голубкова, И.Роднянской, А.Жолковского, М.Эпштейна, О.Клинга, В.Тюпы, Н.Богомолова, В.Мусатова, Л.Колобаевой, А.Л.Зорина, О.Лекманова, Т.Давыдовой, И.Сурат, Н.Дзуцевой, В.Полонского, Н.Ивановой и др. Работа **В.Жирмунского** «Преодолевшие символизм» по праву может быть названа первым значительным шагом на пути постижения особенностей «срединного» художественного мышления в поэзии модернизма. Особое место в этом ряду занимает книга **Л.Гинзбург** «О лирике» и прежде всего – ее разделы, посвященные поэзии начала XX столетия («Наследие и открытия», «Вещный мир», «Поэтика ассоциаций»), где анализ кардинально новых стратегий письма сочетается с осмыслением специфических форм освоения традиции («...взаимодействие традиции, наследия прошлого с утверждением нового, вечное взаимодействие, которым живет эстетический

акт»⁶). Поистине фундаментальное значение в контексте проблематики нашего исследования имеют труды *С.Аверинцева* об истоках европейской литературной традиции и об исторических типах художественного сознания⁷. В части осмысления философско-эстетических интенций неотрадиционализма не менее важную роль сыграли исследования С.Аверинцева о Вяч.Иванове и Мандельштаме⁸. Заметный вклад в разработку данной проблематики внесли труды *С.Бройтмана* о формах реализации неклассического мышления в постсимволистской лирике⁹, *С.Бочарова* о неклассической традиционности и о «генетической памяти»¹⁰ литературы (работа С.Бочарова «"Памятник" Ходасевича» – одна из основополагающих в контексте нашей темы). Освещение особенностей «срединного» пути в русской новейшей литературе было бы неполным без учета концепции «неореализма», принадлежащей *В.Келдышу*, гипотезы *Ю.Левина*, *Д.Сегала*, *Р.Тименчика*, *В.Н.Топорова* и *Т.Цивьян* о «русской семантической поэтике» (одна из первых исследовательских моделей, ставящих во главу угла диалогическую открытость и вероятностность смыслообразования в постсимволизме), концепции «метареализма», предложенной *М.Эпштейном* (указание на приоритет «сверхсознания» и «метаболичность» образного ряда в новой онтологической лирике), типологической модели *Н.Лейдермана* и *М.Липовецкого*, в рамках которой ключевое место отводится «постреализму» и «неоакмеизму» – формациям, органично сочетающим в себе пафос новизны и открытости с сознательной ориентацией на «космографическое» (логосное) мышление¹¹. Неоценимым подспорьем в осмыслении философско-аксиологических, мировоззренческих предпосылок неотрадиционализма являются работы

⁶ Гинзбург Л.Я. О лирике. Л., 1974. С. 5.

⁷ Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996; Аверинцев С.С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 3-14; Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 3-38.

⁸ Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Сочинения в 2 тт. Том 1. М., 1990. С.3-34; Аверинцев С.С. «Скворешник вольных граждан». Вячеслав Иванов: Путь поэта между мирами. СПб., 2001.

⁹ Бройтман С.Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. М., 2008.

¹⁰ См. одноименный сборник работ ученого (М., 2012).

¹¹ Анализ работ В.Келдыша, М.Эпштейна, Н.Лейдермана, Ю.Левина и др. см. в диссертации, в § 2. 5.

В.Хализева о В.Жирмунском, А.Ухтомском, М.Пришвине, А.Платонове, о «потаянном мышлении» и «китежанской» линии в отечественной культуре XX века, в которых исследуется специфика срединного, «царского» пути между обезличивающим идеологическим единомыслием и безответственностью творческого произвола¹². Безусловно, одной из этапных в теоретико-методологическом отношении является монография **О.Клинга** «Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов», ставшая одним из первых серьезных трудов, где научно преодолевается устаревшая схема литературного процесса начала XX столетия, основанная на излишне прямолинейном противопоставлении а) символистской и постсимволистской поэтики, б) оппонирующих друг другу постсимволистских формаций, трактуемых в качестве обособленных и почти не проницаемых сегментов модернистской словесности. Многие важные наблюдения и обобщения в нашей диссертации были бы невозможны без внимательного изучения работ **И.Роднянской**, в числе которых наибольшее значение для нас имели такие статьи, как «Свободно блуждающее слово: К философии и поэтике семантического сдвига» и «Пророки конца эона. Инволюционные модели культуры как актуальный симптом», а также ее работы о Блоке, Н.Заболоцком и А.Платонове. Особое и очень существенное значение для разработки в диссертации проблем, связанных с различными типами пост-традиционалистского творческого сознания, имели труды **В.М.Толмачева** о модернистском этапе в развитии мировой литературы и, в особенности, его статья «О границах символизма» (Вестник ПСТГУ, 2004/3), где высказываются чрезвычайно важные наблюдения о природе восходящего к романтизму индивидуалистского миропонимания. Целый ряд весьма значительных наблюдений и обобщений, касающихся особенностей рецепции классического наследия в новейшей русской словесности, содержится в замечательном труде **В.Мусатова** «Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX

¹² Центральное место здесь принадлежит статье 1995 г. «Опыты преодоления утопизма», где ученый, не оперируя термином «неотрадиционализм», по сути ведет речь о фундаментальных основах неотрадиционального мышления.

века» (1998). Значительные шаги вперед в осмыслении литературной ситуации периода перехода от классического типа сознания к неклассическим стратегиям письма сделаны в монографиях **Н.Дзуцевой** («Время заветов: Проблемы поэтики и эстетики постсимволизма» (1999)) и **В.Полонского** («Между традицией и модернизмом: Русская литература рубежа XIX - XX веков: история, поэтика, контекст» (2011)). Перечисляя наиболее глубокие исследования, посвященные анализу форм художественного освоения опыта прошлого писателями неклассической формации, нельзя не упомянуть яркий и содержательный труд **И.Сурам** «Мандельштам и Пушкин» (2009), во многом продолжающий начинания В.Жирмунского, С.Бочарова, В.Мусатова, направленные на изучение форм реализации «пушкинской парадигмы» в литературе Серебряного века и предвоенных десятилетий. Крайне ценным источником существеннейших догадок и гипотез, относящихся к проблеме взаимодействия в неклассическом творческом сознании «вечных» констант традиционализма и наиболее ценных открытий модернизма, стали для нас статьи и эссе **О.Седаковой** («Новая лирика Райнера Мариа Рильке», «Символ и сила: Гетевская мысль в романе «Доктор Живаго», «Рассуждение о методе» и мн. др.).

Несомненно, решающее значение в исследовании новых модусов традиционализма в модернистской словесности имели труды **В.Тюпы**, первым предложившего термин «неотрадиционализм» в качестве обозначения особого вектора творческих исканий, реализующего конвергентный (солидаристский, ответственно-свободный, интерсубъективный и диалогический) тип ментальности. Основополагающей в плане теоретического осмысления названного явления должна быть признана книга В.Тюпы «Постсимволизм. Теоретические очерки русской поэзии XX века» (Самара, 1998), в которой неотрадиционализм рассматривается как особая «субпарадигма» постсимволизма, равно альтернативная произволу и нормативности и самоопределяющаяся в «тройственном противостоянии» с авангардной и

соцреалистической линиями художественного мышления¹³. В обосновании ментальной специфики названного феномена исследователь опирается в первую очередь на выдвинутую М.Бахтиным идею «диалога согласия», предполагающего «сближение, но не слияние» разнонаправленных сознаний¹⁴. В.Тюпа вводит в научный обиход не только сам термин «неотрадиционализм», но и такие его корреляты, как *конвергентное сознание* и *дискурс ответственности*. После выхода этого труда концепт «неотрадиционализм» был взят на вооружение целым рядом исследователей¹⁵ и даже попал в понятийный тезаурус академических учебников¹⁶.

Следует признать, однако, что в книге очерков «Постсимволизм...», позиционируемой автором как научно-методическое пособие, В.Тюпа создает лишь общий типологический эскиз интересующего нас явления и не ставит перед собой задачу всесторонней его проработки и исчерпывающей систематизации. В вышедшей десятилетие спустя книге В.Тюпы «Литература и ментальность» (М., 2008)¹⁷ сфера применимости понятия «неотрадиционализм» расширяется на весь неклассический период развития отечественной литературы. Одновременно намечаются предпосылки для переключения названной проблематики из историко-литературного и сугубо литературоведческого русла в междисциплинарный контекст новейших гуманитарных исследований¹⁸.

В середине 90-х годов сразу несколько ученых принимает на вооружение предложенный В.Тюпой термин «неотрадиционализм». В работах И.Есаулова данному обозначению придается несколько иной актуальный смысл. Во-первых, ученый практически приравнивает постсимволизм к

¹³ Тюпа В.И. Постсимволизм: Теоретические очерки русской поэзии 20 века. Самара, 1998. С.99.

¹⁴ Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 тт. Т. 5. М., 1997. С. 364.

¹⁵ В.Хализевым, И.Есауловым, Н.Дзуцевой, М.Хатямовой, Е.Тырышкиной и некот. др.

¹⁶ Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999. С.235; Введение в литературоведение. Под ред. Л.В.Чернец: 4-е изд. М., 2011. С.577-583.

¹⁷ Книга «Постсимволизм. Теоретические очерки русской поэзии 20 века» вошла в состав новой книги в качестве одного из разделов.

¹⁸ Краткий автообзор работ о неотрадиционализме см. в статье: Тюпа В.И. Полифония русской эстетической мысли 1920-х годов // Эстетическое самосознание русской культуры. 20-е годы XX века / Сост. Г.Белая. М., 2003. С.111-126.

неотрадиционализму; во-вторых, – опираясь на богословскую категорию «соборности», довольно тесно привязывает неотрадиционалистское мышление к религиозно-христианскому, а точнее – православно-церковному¹⁹, что с одной стороны сообщает термину конфессиональный оттенок и создает почву для вытеснения философско-эстетического критерия вероисповедным, а с другой стороны порождает искушение приписать «православную» идентичность всем писателям, чье творчество представляется соответствующим «соборному» типу художественного сознания. В.Хализев, используя термин «неотрадиционализм» в ряде статей²⁰ и в фундаментальном учебном пособии для высшей школы («Теория литературы», 1-е издание вышло в 1999 году, позднее труд несколько раз переиздавался)²¹, склонен различать собственно неотрадиционализм как модернистское течение, и неореализм – как течение, в целом устоявшее под натиском модернизма и вобравшее в себя наиболее плодотворные устремления эпохи.

Не остались чужды предложенному В.Тюпой концепту и многие другие ученые. Термин «неотрадиционализм» признается в качестве релевантного и используется в диссертационных исследованиях, монографиях и статьях Н.Дзущевой, М.Хатямовой, Н.Грякаловой, Е.Тырышкиной, М.Перепелкина, А.Машковой, Н.Петровой, Ж.Баратынской и еще ряда специалистов²². Однако следует признать, что во многих случаях он употребляется нестрого, в не до конца проясненном, как бы по умолчанию самоочевидном значении. (Так, например, Е.Тахо-Годи в исследовании о художественной прозе А.Ф.Лосева использует этот термин вне прямой соотнесенности с концепцией В.Тюпы и

¹⁹ Есаулов И.А. Постсимволизм и соборность // Постсимволизм как явление культуры. Выпуск 3. М., 1995. С.6.

²⁰ См.: Хализев В.Е. Опыты преодоления утопизма (о философии в России 1920-1940-х гг.) // Постсимволизм как явление культуры. Выпуск 3. М., 1995. С.14-19; Хализев В.Е. Место и роль авангардизма, модернизма и классического реализма в русской литературе XX века // Русская литература XX-XXI веков: проблемы теории и методологии изучения. М., 2004. С.13-16.

²¹ Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999. С.235.

²² См., например: Перепелкин М.А. Творчество Ольги Седаковой в контексте русской поэтической культуры: Смерть и бессмертие в парадигме традиции. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2000; Петрова Н.А. Поэтика О.Мандельштама в аспекте становления поэтического реализма: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пермь 2001; Машкова А.Г. Словацкий натурализм: К вопросу о специфике литературного процесса в Словакии 1920-1940-х годов. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2005; Хатямова М.А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети 20 века. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2008; Баратынская Ж. Поэтика «вечного возвращения» Арсения Тарковского как феномен конвергентного сознания. Гамбург, 2011.

практически никак не объясняя его конкретный смысл²³.) Можно сказать, что к данному моменту концепция *нового традиционализма*, нашедшая множество авторитетных сторонников в филологическом сообществе, пока не приобрела завершенных очертаний целостной научной теории. Показательно, что и круг писателей, относимых разными учеными к неотрадиционализму, не отличается стабильностью²⁴.

Понятно, что при таком использовании термин «неотрадиционализм» несколько теряет в своей научной определенности, начинает дублировать другие термины и в конечном итоге рискует оказаться избыточным.

Целью исследования является теоретическое осмысление сущностных основ неотрадиционального творческого сознания и конкретных форм его реализации в философско-эстетических исканиях и литературно-художественной практике русских писателей XX столетия.

Кроме того, ввиду определенных структурных особенностей диссертации каждая из двух частей работы имеет свои цели, достижение которых подчинено общему замыслу исследования. **В теоретической части** предпринимается попытка осмыслить и теоретически обосновать концепт «неотрадиционализм» в свете общих вопросов философии и аксиологии творчества; в частности – изучить специфику сопряжения и взаимодействия в неотрадициональном творческом сознании инвариантных («базовых») начал классического традиционализма²⁵ и неклассических форм их реактуализации. **В аналитической части** диссертации ставится **цель** исследовать – посредством анализа отдельных художественных текстов и индивидуальных творческих «траекторий» отдельных писателей – конкретные пути и формы творческой

²³ Тахо-Годи Е.А. Художественный мир прозы А.Ф.Лосева и его истоки. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. 2004; Тахо-Годи Е.А. Художественный мир прозы А.Ф.Лосева. М., 2007.

²⁴ Возможно, разноречия в подобных списках имен косвенно отражают одну из важных черт рассматриваемого явления. Если неотрадиционализм не литературное направление, а вектор исканий, интенция сознания, присутствующая в разной степени у представителей разных школ, то само составление таких списков неизбежно содержит в себе элемент условности.

²⁵ Под классическим традиционализмом везде подразумевается рефлексивный традиционализм (в терминологии С.Аверинцева).

реализации неотрадициональных интенций в условиях неклассической художественной культуры XX столетия.

Сопутствующей и естественным образом предполагаемой целью исследования является также намерение максимально поспособствовать прояснению литературоведческого статуса концепта «неотрадиционализм», его легитимизации в качестве стабильного в своем значении теоретико-литературного термина, более точному определению сферы его применения и пределов применимости.

Задачи исследования:

- Обзор современной проблематики традиции и актуальных вопросов литературоведческой традициологии; обзор основных вех эволюции традициологического сознания в европейской культуре и отечественном литературоведении;
- Уточнение содержания и специфики термина «традиционализм» в контексте смежных понятий традициологии. Отграничение концепта «традиционализм» в качестве устоявшегося термина исторической поэтики от смежных с ним и омонимичных ему понятий, используемых как в литературоведческом обиходе, так и в других областях гуманитарной культуры;
- Рассмотрение сущности и специфики рефлексивного традиционализма (в терминологии С.Аверинцева) как определенного типа философско-эстетической и художественно-творческой ориентации в литературе;
- Рассмотрение ценностных оснований и философско-эстетических доминант традиционализма, составляющих инвариантное ядро всех исторических форм и разновидностей традициоцентричного сознания. Теоретическое обоснование понятия «традициональное творческое сознание»;
- Рассмотрение эволюции традиционального сознания в русской литературе пост-традиционалистского периода. Анализ процесса становления новых исторических форм традиционализма в философско-эстетических исканиях и художественной словесности XIX столетия и рубежа XIX – XX веков;

- Обзор научных концепций, посвященных описанию и осмыслению в русской литературе XX столетия «срединной» линии идейно-художественных исканий, равно альтернативной радикальному произволу авангардизма и новейшим нормативистским доктринам, регламентарно ограничивающим свободу эстетического поиска;
- Осмысление философско-эстетических интенций нового (неклассического) традиционализма, складывающегося в русской литературе постсимволистского периода (1910 – 1920-е годы);
- Описание истории возникновения и использования термина «неотрадиционализм» в отечественном литературоведении 1990-х – 2010-х годов;
- Рассмотрение теоретико-методологического контекста литературного неотрадиционализма в гуманитарной культуре XX столетия;
- Анализ конкретных форм и стратегий реализации неотрадициональных интенций в художественном творчестве русских писателей XX столетия.

Объект исследования – особый сегмент русской словесности XX века, философско-эстетически и художественно самоопределяющийся в интенциях принципиальной альтернативности по отношению как к дивергентным²⁶ (своевольно-индивидуалистским) устремлениям авангардизма и постмодерна, так и к неонормативистским интенциям соцреализма (и сущностно подобных ему доктрин). Принимая во внимание равноудаленное положение названной линии литературного развития между её историческими «оппонентами», мы в ряде случаев (в начальных разделах исследования) будем использовать по отношению к ней такие наименования, как «срединная линия», «срединный вектор творческих исканий / творческого мышления / творческой ориентации» и т.п.²⁷

²⁶ Тюпа В.И. Дискурсные формации. М., 2010. С.24-25.

²⁷ Учитывая то, что принадлежность того или иного автора/текста к обозначенному сегменту не всегда является безоговорочной, объект исследования изначально не мог иметь безусловно отчетливых очертаний. Границы изучаемого явления, будучи до известной степени гипотетическими, осознаются нами как одна из составляющих предмета исследования.

Кроме того, в объект исследования входят некоторые из литературоведческих концепций и гипотез, посвященных «срединной» линии в русской постклассической словесности. В частности – комплекс идей В.Жирмунского, касающихся постсимволистской формации в русской поэзии, идеи Е.Замятина о «неореализме» и «синтетизме», концепция «русской семантической поэтики» (Ю.Левин и др.), концепция «постреализма» (Н.Лейдерман) и некоторые другие. Специфичность положения, занимаемого в нашем исследовании работами В. Тюпы о неотрадиционализме, заключается в том, что они служат одновременно и ключевой составляющей теоретико-методологической базы диссертации и, в известной мере, – важной частью объекта изучения.

Кроме того, некоторые разделы имеют свой собственный объект рассмотрения. Так, в 1-й главе в центре внимания оказываются труды ученых, исследовавших рефлексивный традиционализм как тип творческого мышления и как тип поэтики.

Предметное поле исследования

Основным **предметом** настоящего исследования является неотрадиционализм как особый, проявившийся в русской литературе неклассического периода тип философско-эстетической и художественно-творческой ориентации.

В **предметное поле** диссертации входит также и сам теоретический конструкт, маркируемый термином «неотрадиционализм». Таким образом, часть обобщений, к которым мы предполагаем прийти в итоге исследования, рассматривается нами как своего рода теоретическая экстраполяция (в область философии и аксиологии творчества) тех положений, которые уже получили свое научное обоснование в работах В.Тюпы.

В 1-й главе в фокусе исследовательского внимания находятся основные принципы и характерные черты рефлексивного традиционализма, а также сущностные (инвариантные) признаки традиционного творческого мышления. В параграфе 2.1 предметом рассмотрения становится процесс

вызревания и постепенного формирования ключевых интенций неотрадиционального сознания в русской словесности XIX и рубежа XIX-XX веков.

Материал исследования

При выборе материала анализа предпочтение отдавалось наиболее репрезентативным персоналиям и текстам, а в жанровом плане – лирике и малым жанрам художественно-философской прозы (включая литературно-критическую и поэтологическую эссеистику)²⁸. В аналитических разделах диссертации основное внимание сосредоточено на нескольких ключевых для понимания нового литературного традиционализма фигурах. Это прежде всего Вяч.Иванов, О.Мандельштам, А.Ахматова, В.Ходасевич и Л.Гинзбург. Изначальная установка на выборочное привлечение материала позволяет не оговаривать невключение того или иного автора в сферу детального рассмотрения. Возможные пути осмысления творчества писателей, причастных к неотрадициональной формации, но оказавшихся вне круга анализируемых в работе явлений²⁹, теоретически намечены в диссертации.

Понятийный аппарат исследования

Понятие «традиция» используется в диссертации в расширенном, интегративном значении, в качестве своеобразной философской аксиологемы и такого универсального концепта, по отношению к которому понятия «литературная традиция», «национальная традиция» (и т.д.) являются лишь частными аспектами. Соответственно, говоря о традициоцентричности, традициональном мышлении, новом традиционализме и т.п., мы в большинстве случаев будем иметь в виду духовно-культурное наследие как целое³⁰, а также *идею верности традиции*, взятую как основополагающий поэтологический принцип.

²⁸ Имеются в виду статьи, эссе и философско-эстетические этюды Вяч.И.Иванова, О.Мандельштама, «промежуточная» проза Л.Я.Гинзбург и т.д.

²⁹ Н.Гумилев, М.Булгаков, А.Платонов, Арс.Тарковский, Е.Шварц, И.Лиснянская, О.Чухонцев и некот. др.

³⁰ Речь идет не об эклектическом симбиозе всех существующих мировых традиций, а прежде всего о русско-европейском (эллинико-христианском) культурном предании.

Понятие «творческое сознание» мы употребляем в значении, близком к значению категорий «литературное сознание», «художественное сознание» и «тип художественного сознания», играющим существенную роль в современной исторической поэтике и менталитетной компаративистике (В.Тюпа, Л.Закс, В.Заманская, Е.Созина и др.). Тем не менее в большинстве случаев мы будем предпочитать названным категориям концепт «творческое сознание», который постулируется нами как более универсальное обозначение, охватывающее не только сугубо литературные и художественные аспекты, но и всё, что касается философии творчества в целом. В контексте нашего исследования творческое сознание рассматривается как категория, не отождествимая с категориями «мировоззрение» и «идеология», поскольку речь будет идти не о завершённой и жизненно-конкретной системе взглядов (религиозных, социокультурных или эстетических), а об исходных бытийно-ценностных ориентациях и устремлениях, определяющих скорее формальную структуру и общую направленность сознания, нежели его конкретное содержание (тот случай, когда, согласно замечательной формуле Л.Я.Гинзбург, «форма... переживания ценности высвободилась и сама для себя подыскивает содержание»³¹). Поэтому важная роль в понятийном аппарате работы отводится такому обозначению, как «интенции» (сознания, творческого поиска и т.д.), призванному подчеркнуть процессуальный, проблематический, векторный характер исследуемых феноменов.

Хронологические рамки исследования

В целом исследование охватывает весь XX век, однако ввиду основополагающей значимости начального (постсимволистского) этапа развития неотрадиционализма преимущественное внимание в диссертации сосредоточено на «узловом» участке обозначенного временного пространства, а именно – на 10-х – 30-х годах XX столетия. В параграфе 2.2.2 к аналитическому рассмотрению привлекается книга стихов Б.Кенжеева «Невидимые», изданная в 2004 году; мы сочли это хронологическое расширение возможным, поскольку

³¹ Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С.368.

основной корпус данного издания составляют тексты, созданные поэтом в 1980-е – 1990-е годы.

Теоретическая база диссертации

- В общефилософском и философско-аксиологическом плане теоретическую базу исследования составили идеи русских мыслителей, разрабатывавших проблематику «всеединства» (В.Соловьев, С.Франк и др.), идеи Н.Бердяева о смысле творчества, об историзме и историчности духовной культуры, аксиологические идеи Г.Риккерта и М.Шелера, философско-культурологические труды П.Флоренского и А.Ф.Лосева, концепция диалогизма М.Бубера, отдельные положения философской антропологии и герменевтики (В.Виндельбанд, Г.Г.Гадамер, «К философии поступка» М.Бахтина, «Слово и событие» В.Бибихина). Отчасти были учтены идеи П.Чаадаева (тема единства европейской цивилизации), А.Хомякова (концепт «соборности»), К.Г.Юнга (учение об «архетипах»), А.Ухтомского (интуиции о роли «другого» в самосознании и о «заслуженном собеседнике») и В.Бибихина (основные положения книг «Язык философии» и «Мир»).
- В культурологическом и историософском плане – работы А.Д.Тойнби, П.Сорокина, Х.Зедльмайра, Г.Флоровского, Ю.Лотмана, В.Хализева, М.Виролайнен; отдельно хотелось бы отметить труд В.Бибихина «Новый Ренессанс» и исследование И.Роднянской «Пророки конца эона. Инволюционные модели культуры как актуальный симптом».
- В философско-эстетическом плане – работа В.Соловьева «Первый шаг к положительной эстетике»; труды Вяч.И.Иванова, посвященные проблемам поиска нового духовно-культурного единства и анализирующие кризис индивидуализма в культуре модерна; труды М.Бахтина, относящиеся к сфере «эстетики словесного творчества»; работы В.В.Бычкова (прежде всего «Русская теургическая эстетика»), Н.Д.Тамарченко («“Эстетика словесного творчества” М.М.Бахтина и русская философско-филологическая традиция»).

- В аспекте исторической поэтики и компаративной риторики – труды Э.Р.Курциуса, А.Веселовского, Ю.Лотмана, С.Аверинцева, А.В.Михайлова, С.Бройтмана, В.Тюпы.
- В собственно традициологическом аспекте – работы Г.Г.Гадамера («Истина и метод»), Т.С.Элиота («Традиция и индивидуальный талант»), Г.Флоровского (статьи «Преходящее и вечное в учении русских славяноведов», «Евразийский соблазн», раздел «Разрывы и связи» в книге «Пути русского богословия»), В.Н.Лосского («Предание и предания»), С.Аверинцева (работы об истоках европейской литературной традиции, статья «Вячеслав Иванов и русская литературная традиция»), Л.Гинзбург (глава «Наследие и открытия» в книге «О лирике»), В.Аверьянова («Традиция и динамический консерватизм»).
- В части рассмотрения типологии и эволюции форм художественного сознания – труды А.Веселовского, М.Бахтина, С.Аверинцева, А.В.Михайлова, С.Бройтмана, Д.Кемпера, И.П.Смирнова, В.М.Толмачева, В.Тюпы, В.Заманской, Е.Тырышкиной, Е.Созиной.
- В части изучения творческих интенций, поэтики и художественных стратегий традициоцентрично ориентированных писателей-модернистов – исследования В.Жирмунского, К.Мочульского, В.Вейдле, Л.Гинзбург, С.Г.Бочарова, Ю.Левина, И.Роднянской, В.Мусатова, Л.Колобаевой, О.Клинга, Н.Дзущевой, О.Седаковой, И.Сурат, Н.Б.Ивановой, В.Полонского.
- В теоретико-литературном плане – труды В.Жирмунского, Г.Поспелова, И.Ф.Волкова, Н.Тамарченко, В.Хализева, А.Эсалнек, О.Клинга.

Особое и центральное значение для нас имели статьи и эссе Вяч.И.Иванова, который первым из деятелей русского модернизма сумел (не употребляя термина «неотрадиционализм») осмыслить и сформулировать важнейшие положения, связанные с синтезом индивидуальных устремлений и общих начал, дав исходный импульс разработке той проблематики, которая легла в основу философии неотрадиционализма.

Методы исследования

В целом работа строится на сочетании историко-генетического, структурно-типологического и эстетико-аксиологического методов рассмотрения материала. В аналитической части исследования используются методы мотивного, структурно-семантического, архетипического, семиозстетического и интертекстуального анализа в соединении с элементами герменевтического подхода; существенное внимание уделяется анализу художественной символики и субъектной структуры текста. В ряде случаев логика исследования потребовала привлечения методов и приемов, заимствованных из философии, искусствознания, культурологии, культурной антропологии, менталитетной компаративистики. Решая поставленные задачи, мы руководствовались положением о необходимости использования различных методологий, на чем настаивали еще А.Н.Веселовский, М.Бахтин, В.Перетц и многие другие авторитетные ученые. В аналитическом разделе диссертации определяющими для нас были позиции Д.Лихачева, считавшего основным стержнем литературоведения интерпретацию, опирающуюся на анализ, и И.Роднянской, полагающей, что «ядро» и «сердце» изучения словесности – это «*герменевтика и экзегеза художественного произведения*»³², а также – стремление показать, «как через пластическую фактуру вещи дает о себе знать духовная мотивация художника»³³.

Научная новизна исследования

На данный момент это первая диссертация, полностью посвященная литературному неотрадиционализму. До сих пор учеными рассматривались либо смежные и частично совпадающие с неотрадиционализмом пласты словесности, либо смежная проблематика, либо отдельные её аспекты.

Данное диссертационное исследование не только впервые делает неотрадиционализм основным предметом изучения, но и впервые вводит в качестве доминантного философско-аксиологический и поэтологический

³² Роднянская И.Б. Движение литературы. В 2 тт. М., 2006. Т.1. С.8-9.

³³ Там же. Т.2. С.497.

ракурс рассмотрения названного явления. Также впервые в осмыслении неотрадиционализма в единое концептуальное целое интегрируются параметры и признаки, имеющие отношение к поэтике, эстетике, философской антропологии, менталитетной компаративистике, аксиологии, онтологии искусства, что намечает широкие перспективы междисциплинарного углубления исследуемой проблематики.

Важным аспектом новизны данного труда является перемещение исследовательского акцента с установления и описания самого факта причастности традиции на изучение эстетико-аксиологической мотивации «творческого поведения», принципиально избирающего сознательную традициоцентричность (когда так называемое «чужое слово» в известном смысле перестает быть *чужим* и утверждается как *родное*, бережно хранимое³⁴).

В диссертации вводится в научный оборот и концептуально обосновывается новое теоретико-литературное понятие – «традициональное творческое сознание».

В отличие от работ В.Тюпы, в данном исследовании основной акцент делается не на риторических стратегиях неотрадиционализма, а на первичных (базовых) ценностных интенциях традиционального сознания, которые, на наш взгляд, более универсальны, чем те или иные формы дискурсивности (при этом мы полностью разделяем мнение автора концепта, что движение от монологического типа дискурсивности к диалогическому адекватно исторической логике развития культуры).

Другой аспект новизны заключается в том, что впервые в рамках единого теоретико-методологического охвата рассматривается почти вековая история отечественного неотрадиционализма и столь различные (еще недавно казавшиеся полярными) явления, как «теургическая» поэзия начала века, акмеизм, аналитическая проза Л.Гинзбург и испытывавшая сильное влияние

³⁴ Аверинцев С.С. Единство общечеловеческого культурного предания как тема поэзии и мысли Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура: Материалы международной научной конференции 9-11 сентября 2002 г. Томск-М., 2003. С.12.

авангарда и постмодерна современная лирика. Таким образом, термин «неотрадиционализм» впервые распространяется на всю современную литературную эпоху, включая постсоветский период.

Наконец, впервые целые разделы докторской диссертации по теории литературы посвящены художественно-философской прозе Л.Гинзбург (§ 2. 1. 9) и лирике Б.Кенжеева (§ 2. 2. 2).

Положения, выносимые на защиту:

1. Неотрадиционализм может быть выявлен и определен как сформировавшийся в литературе неклассического периода и восходящий к рефлексивному традиционализму особый вектор философско-эстетической ориентации, обуславливающий творческие принципы и художественные стратегии писателя, однако допускающий вариативность конкретных форм мировоззрения, поэтики и стилистики письма.
2. Неотрадиционализм может быть идентифицирован как неклассическая модификация традиционного типа творческого сознания, возникшего и исторически оформившегося в эпоху рефлексивного традиционализма, но в инвариантном своем содержании сохранившего актуальное присутствие в последующих эпохах развития словесности. Следовательно, в диахронном (вертикальном) плане неотрадиционализм XX столетия принадлежит традиционному типу творческого сознания, а в синхронном (горизонтальном) – неклассической ментально-художественной парадигме.
3. Неотрадиционализм представляет собою сложный синтез базовых установок традиционализма (сформировавшихся в лоне «эйдетического» мышления³⁵) и новейших интенций культурного мышления, связанных с

³⁵ Бройтман С.Н. Историческая поэтика // Теория литературы: В 2 тт. Под ред. Н.Д.Тамарченко. М., 2004. Т.2. С.117-216.

существенным усложнением общей «картины мира» и индивидуального самосознания в неклассическую эпоху. При этом неклассические (новоприобретенные) интенции являются в неотрадиционализме не просто дополнением к исконно-традициональным установкам, но в определенной мере производны от них, раскрываются как реализация глубинного потенциала традиционного сознания, результат его исторической эволюции.

4. Инвариантные (базовые) интенции традиционного сознания, составляющие философско-эстетическое ядро неотрадиционализма, – это онтологизм мировосприятия, презумпция благой осмысленности бытия, утверждение объективно-сверхличной природы высших ценностей, аксиологически мотивированная традициоцентричность, пафос ответственности и причастности всеобщему, логоцентричность и центростремительность мышления, солидаристское («соборное») понимание творчества, императив творческого «служения» высшему (сверхличному и абсолютному) началу.

5. Неклассические свойства присущего неотрадиционализму творческого сознания, сообщающие ему статус принципиально новой (не имеющей аналогов в прошлых веках и эпохах) модификации традиционности, – это персонализм и историчность мировосприятия, принцип духовной суверенности художника, пафос индивидуальной свободы творческого поиска, обращенность в будущее и открытость к новому, неприятие любых форм пассивизма, экзистенциальность, диалогичность, интерес к *Другому*, потребность в читательском сотворчестве, тяготение к интерсубъективности, инспиративности и аллюзивности в смыслообразовании.

6. Взаимоотношения нового традиционализма с классическим (рефлексивным) традиционализмом имеют двоякий характер. Неотрадиционализм наследует базовые интенции последнего, но отвергает

(преодолевают) присущий ему авторитарный тип дискурсивности, проявляющийся в тяготении высказывания к нормативности, регламентарности, дедуктивности, монологичности и т.п. «Нормативно-ролевой» (В.Тюпа) тип дискурсивности постулируется нами как акцидентный и исторически обусловленный атрибут классического традиционализма, не отражающий напрямую сущностного содержания традиционной системы ценностей. Рецидивное и в известном смысле рудиментарное бытие в литературе XX века «нормативно-ролевой» тип риторики переживает в художественной практике социалистического реализма и аналогичных ему регламентаристских практиках письма.

7. Для неотрадиционализма актуален переход от надличного и внесубъективного восприятия ценностей к intersубъективному (диалогическому) их восприятию, от априорного согласия к искомому и совместными усилиями обретаемому согласию, от неавтономной причастности общему к автономной причастности миропорядку, от императивного и регулятивного мышления к проблемному, эвристическому и проективному, от априорно-завершенной и самотождественной картины мира к вероятностной, от авторитарно-декларативного стиля мышления к аллюзивно-инспиративному, от монологических стратегий общения к коммуникативно-диалогическим.

8. Исторически русский неотрадиционализм возник в противоборстве с радикальным авангардом и соцреализмом как продуктивная альтернатива, с одной стороны, творческому произволу «уединенного сознания» и, с другой стороны, – новой принудительной «нормативности», нашедшей выражение в идеологически ангажированной словесности советского периода. Однако в рамках всего XX века неотрадиционализм как диалогический, свободно-ответственный тип мышления может быть противопоставлен не только авангардизму и соцреализму (это исторически локальный случай), но и другим

модификациям дивергентного и номативистского менталитета (поставангарду, постмодерну, новейшим формам идеологизма и дидактизма и т.п.).

9. Неотрадиционный тип мышления может проявляться

- на уровне общих аксиологических и философско-эстетических ориентаций, выраженных более или менее декларативно и манифестарно;
- как творческий принцип, обуславливающий художественные стратегии: в частности, в мотивике и художественной символике текстов, в предпочтениях той иной «картины мира», в расстановке ценностных акцентов, в художественной архитектонике произведения, в специфике субъектности, в характере интертекстуальности и в коммуникативно-риторических (дискурсных) особенностях письма.

10. На уровне конкретных художественных стратегий неотрадициональная творческая ориентация (конвергентное художественное сознание) проявляется

- в стремлении к предельной универсализации субъекта литературного высказывания и смыслового пространства текста при сохранении индивидуальной свободы и суверенности мировосприятия;
- в стремлении к диалогической открытости художественного высказывания (предполагающей инспиративность и аллюзивность смыслообразования) при неременном признании высшей, абсолютной и вместе с тем «интерсубъективной» смысловой инстанции («наадресата», в терминологии М.Бахтина), способной в перспективе «большого времени» (М.Бахтин) *рассудить* самобытных и ментально нетождественных друг другу участников «диалога»;
- в тяготении к освященным традицией универсалиям, архетипам и символам (стилистическим, образным, мотивным, сюжетным, тематическим), к универсальным идеям и представлениям, которые, однако, не просто дублируют и транслируют уже известные схемы, не просто повторяют известное «каноническое» миропонимание, но как бы заново его открывают,

проецируя универсальное в область экзистенциального, эвристически прокладывая новые пути из современного в вечное и из вечного в историческое, из неповторимой и единичной ситуации автора/героя к вневременному и непреходящему ценностному универсуму.

11. Неотрадиционализм как комплекс творческих интенций имеет векторный характер; пересекается и сложно взаимодействует с другими типами и модусами ориентации; на уровне художественных стратегий может по-разному и в разной мере проявляться у различных неотрадиционально-ориентированных писателей, а также – у одного и того же писателя в разных его текстах и на разных этапах его творческого пути.

12. Неотрадиционализм не может рассматриваться как литературное направление, течение, школа, художественный метод или тип поэтики. Неотрадициональные интенции и стратегии могут проявляться у представителей самых разных общностей, фракций и течений, поэтому более целесообразно понимать неотрадиционализм как особый, сознательно абстрагируемый (в исследовательских целях) уровень или аспект творческой ориентации, который можно квалифицировать как неклассическую разновидность (модификацию) традиционного типа творческого сознания; как особый «вектор» (или «полюс») в неклассической парадигме творческого сознания; как особый комплекс философско-эстетических интенций или, несколько упрощенно, – как особый тип философско-эстетической ориентации. В силу того, что все эти обозначения корректируют и уточняют друг друга, они могут использоваться в режиме теоретической взаимодополнительности.

13. Причина, по которой неотрадиционализм никогда не был оформлен в определенное течение или группировку с единой четкой доктриной, не только в том, что это сравнительно новый и исторически молодой тип творческого

сознания, и не только в том, что личные ментальные траектории писателей были подвержены колебаниям, но прежде всего в том, что в силу своей принципиальной открытости, проективности и диалогичности неотрадиционализм не предрасположен к доктринальной «завершенности» и оформлению в виде непротиворечивой идейной «платформы». Своеобразие неотрадиционализма не идеологично, а интенционно и векторно по своей сути, т.е. проявляется больше в исходных устремлениях и ориентациях, нежели в оформленных и закрепленных результатах.

14. Неотрадиционализм как тип ценностной ориентации не связан напрямую ни с какими формами религиозной ортодоксии и конфессиональности, однако генетически зиждется на эллинско-христианской основе, определяющей историческое своеобразие и духовное ядро русско-европейской цивилизации.

15. Неотрадиционализм не обособляется и не замыкается в себе, а продолжает «диффузно» (О.Клинг) взаимодействовать со смежными типами сознания, впитывая многое из их опыта.

Теоретическая и практическая значимость

Результаты проведенного исследования позволяют теоретически оспорить глубоко укоренившиеся представления о литературном процессе XX столетия как об истории непримиримого противоборства «архаистов» и «новаторов», поборников духовной ответственности и сторонников эстетической свободы. Ключевые положения выполненного исследования создают условия для преодоления упрощенных дихотомических моделей, основанных на противопоставлении взаимоисключающих явлений, позволяя увидеть в вершинных достижениях новейшей словесности сложный синтез нового и вечного, современного и вневременного, независимо-индивидуального и солидарно-ответственного.

Введение в научный оборот концепта «традиционное творческое сознание» создает необходимые условия для разработки проблематики традиции вне тесной соотнесенности с ретроспективно-пассеистическими интенциями мышления. Диссертация способствует легитимизации понятия «неотрадиционализм» в статусе теоретически разработанного литературоведческого термина, намечает новые перспективы междисциплинарного углубления в теоретико-литературной традициологии. Результаты исследования могут быть использованы при написании программ историко-литературных и теоретико-литературных учебных курсов, вузовских и школьных учебных пособий, в разделах, посвященных исторической поэтике, истории русской литературы XX века и эволюции форм литературного сознания. Основные выводы и обобщения, сделанные в диссертации, создают предпосылки для разработки существенно новой концепции отечественного литературного процесса неклассического периода.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертации излагались в докладах на научных конференциях в период с 2008 по 2014 год (в МГУ им. М.В.Ломоносова, в ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, в Государственном институте русского языка им. А.С.Пушкина, в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете, в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта).

Принципы и результаты исследования апробировались в процессе преподавательской деятельности на филологическом факультете ПСТГУ.

Основное содержание и выводы диссертации отражены в публикациях автора, среди которых 2 монографии, 1 учебное пособие, 15 публикаций в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК РФ, 10 публикаций по теме диссертации в других изданиях.

Структура и объем диссертации:

Исследование состоит из введения, двух частей, включающих в общей сложности 4 главы, заключения и библиографии, состоящей из 270 наименований. Общий объем работы – 503 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «**Введении**» обоснованы актуальность и научная новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, обозначено проблемное поле, сформулированы цель и задачи работы, указаны предмет, объект и материал изучения, определена степень изученности темы, охарактеризованы понятийный аппарат и теоретико-методологическая база диссертации, изложены положения, выносимые на защиту, приведены сведения об апробации исследования, его структуре и объеме.

Принципиальное значение имеет содержащееся во «Введении» (в подразделе «Предметное поле исследования») указание на то, что основной акцент в работе делается не на выявлении конкретных литературных связей, определенных линий наследования, тех или иных приемов привлечения «чужого слова» и т.д., а на изучении общей мотивации обращения к проверенному временем «фонду» литературных и общекультурных универсалий. Предметом преимущественного внимания, таким образом, становится особый модус восприятия традиции как фундаментальной ценности, общий «вектор» целостного самоопределения художника по отношению к базовым основам общеевропейского (эллинико-христианского) культурного предания, постулируемого как исторически динамичный и субстанциально самотождественный духовный универсум. Тем самым в фокусе исследования оказывается не феномен интертекстуальности, а основополагающие признаки и формы реализации особой *традиционной ценностной установки*, предполагающей волю к связи, единству, свободному согласию перед лицом общей Истины и к утверждению непрерывности (*континуальности*) культурного бытия и безусловной значимости духовных накоплений человечества. Данная установка постулирует восприятие традиции как предмета глубочайшего интереса и осознанного стремления³⁶. Это некая исходная (предшествующая выбору тех или иных линий наследования)

³⁶ По мысли О.Седаковой, интериоризованная традиция может стать «предметом... глубочайшего одобрения», «тем, чему можно принадлежать» и «тем, чему хорошо принадлежать» (Седакова О.А. Четыре тома. Moralia. М., 2010. С.375).

ценностная позиция, исходящая а) из абсолютной *необходимости традиции* и б) из абсолютной *необходимости быть причастным ей*. Сугубое внимание именно к этому аспекту рассматриваемых в диссертации литературных явлений в известной мере сообщает всему труду аксиологический³⁷ характер, делает его по преимуществу исследованием ценностных интенций, фундаментальных философско-эстетических мотиваций неотрадиционального творческого мышления. В отличие от работ В.Тюпы, в которых, при всем внимании ученого к ментальной специфике «конвергентного сознания»³⁸, основной упор делается на изучении художественных и коммуникативных стратегий неотрадиционального письма, в данной диссертации на первый план выходит анализ творческой аксиологии и поэтологии конвергентного типа, осмысление особой *философии творчества*, воплотившейся в идейных исканиях и литературных созданиях традициоцентрично мыслящих писателей неклассической эпохи.

Первая часть работы (**«Литературный неотрадиционализм как неклассическая модификация традиционного типа творческого сознания»**) состоит из двух глав, имеет теоретический характер и посвящена осмыслению сущностных основ неотрадиционализма как типа философско-эстетической и художественно-творческой ориентации в русской литературе неклассического периода. Структура и содержание данной части диссертации определяются стремлением исследовать инвариантное содержание традиционного творческого мышления и предпосылки его исторической вариативности, осмыслить особенности конкретно-исторического «преломления» традиционных универсалий в словесности пост-традиционалистских времен (на материале отечественного литературного процесса XX столетия). Здесь мы руководствуемся методологически основополагающим для нашей работы указанием А.В.Михайлова:

³⁷ Аксиологический принцип рассмотрения творческого мышления и художественного материала в последнее время активно включается в методологию литературоведения. См., например: *Попова Е.В.* Ценностный подход в исследовании литературного творчества: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.08. М., 2004.

³⁸ *Тюпа В.И.* Дискурсные формации. М., 2010. С.124-136.

«...первейшей необходимостью было бы связать общую сторону морально-риторической системы³⁹... в целом с показом её исторически-разворачивающихся воплощений, обликов»⁴⁰. Однако, расширяя область применения данного принципа, мы в ряде моментов распространяем его не только на исторический период господства рефлексивного традиционализма, но и на всю так называемую неклассическую эпоху, ведущую свой отсчет от европейского модернизма. Важность решения поставленных задач определяется необходимостью глубже осознать историческую уникальность русского неотрадиционализма и, одновременно, степень его укорененности в лоне универсальных парадигм духовно-культурного бытия европейской (эллинико-христианской) цивилизации.

В первой главе (**«Традиционализм и традициональное творческое сознание в литературе: исторические формы и сущностные характеристики»**) природа неотрадиционалистского творческого мышления исследуется в диахронном аспекте, в соотнесенности с рефлексивным традиционализмом до-индивидуалистических культурных эпох и в свете основных постулатов традиционального миропонимания, сложившегося в лоне эллинико-христианской культуры.

Первый параграф (**«Проблема традиции в историко-культурном освещении и в контексте современной традициологии»**) представляет собою краткий обзор основных этапов эволюции традициологического сознания (от «естественной» преемственности архаических времен до периода крайней проблематизации феномена межпоколенческой солидарности в постклассическом обществе). Попутно описывается спектр сложившихся теоретических подходов к проблеме традиции и обозначаются ключевые «векторы» осмысления феномена культурного наследования. Существенное значение в данном разделе имеет указание на факт тяготения традициологического мышления к одному из двух противоположных

³⁹ «Морально-риторической системой» А.В.Михайлов называл комплекс идейно-ценностных представлений рефлексивного традиционализма.

⁴⁰ Михайлов А.В. Методы и стили литературы. М., 2008. С. 48.

«полюсов»: к радикальному анти-традиционализму либо к охранительному пассивизму.

Во втором параграфе (**«Поливариативность и универсализм культурной традиции»**) внимание сосредоточено на соотношении и взаимосвязи таких аспектов преемственности, как, с одной стороны, многообразие конкретных форм наследования и реализации накопленного культурного опыта и, с другой стороны, закономерная устремленность традициоцентрично ориентированного мышления ко всеобщности и конвенциональной общезначимости универсалий, составляющих аксиосферу традиции. Постулируется понимание подлинного универсализма не как претензии на тотальное идеологическое господство и не как эклектической всеядности в духе новейших интегристских доктрин, а как реализации субстанциально присущей «традиции как системе» (В.Аверьянов) устремленности к созданию целостного, «вселенски» осмысленного и структурно всеобъемлющего образа мира.

В третьем параграфе (**«К вопросу о базовых принципах единства культурной традиции. Эллинско-христианские корни европейской культуры»**) предметом рассмотрения становятся некоторые вопросы, касающиеся генезиса европейской цивилизации и предпосылок ее исторической самоидентичности. В фокусе внимания находятся фундаментальные аксиологемы, составляющие духовное ядро общей для всей русско-европейской ойкумены культурной традиции. В качестве таких системообразующих начал рассматриваются античная культура, обусловившая интеллектуальное и эстетическое своеобразие данной формации, и христианство, предопределившее её метафизические горизонты и нравственные идеалы. Важное значение в этом разделе диссертации имеет тезис о том, что «вселенский» характер эллинско-христианской ментальности становится возможным не только по причине естественной предрасположенности традициоцентричного сознания к абсолютизации своих ценностей, но и в силу изначально присущих античной учености и христианской метафизике интенций

всеединства, общечеловечности, солидарности, предельного онтологизма («реализма») в восприятии законов духовного бытия.

Четвертый параграф (**«К вопросу о содержании и границах понятия "традиционализм" (предварительные замечания)»**) имеет своей целью обозначить спектр различных применений названного концепта в современном общекультурном обиходе и указать те трактовки термина «традиционализм», от которых мы считаем необходимым дистанцироваться в данном диссертационном исследовании. Ключевым в этой связи является принципиальное отграничение традиционно ориентированного типа мышления от таких установок сознания, как пассивизм и охранительный консерватизм.

В пятом параграфе (**«Традиционализм в свете исторической поэтики. Специфика "рефлексивного традиционализма" и "эстетического" художественного сознания»**) рассматриваются аксиосфера и философско-эстетические принципы, составляющие специфику известного типа творческой ментальности, в современной исторической поэтике маркируемого понятиями «морально-риторическая система» (А.Михайлов), «эстетическое мышление» (С.Бройтман) и «рефлексивный традиционализм» (С.Аверинцев). Рассматриваются такие черты данного типа сознания, как конвенциональность, риторичность, прецедентность, ориентация на канон, понимание искусства как исполнения сакрально санкционированного предназначения. Обращается внимание на то, что субстанциальные признаки рефлексивного традиционализма в этот период тесно переплетены с акцидентными его свойствами, обусловленными общим укладом эпохи, степенью зрелости культурного сознания и имеющими локально-историческое значение. На определенном этапе эти свойства (регламентарность, императивность, монологизм и т.п.) входят в непримиримое противоречие с ментальными устремлениями Нового времени и предопределяют кризис «морально-риторической» культуры. Рефлексивный традиционализм (как замкнутая

формация) постепенно уходит в прошлое, но его глубинное вневременное содержание имплицитно проникает в сознание последующих эпох.

В шестом параграфе (**«Философско-аксиологические и эстетико-поэтологические основы традиционного творческого сознания»**) внимание заостряется на «общей стороне» (А.В.Михайлов) эволюционирующего во времени традиционалистского миропонимания, то есть на тех его фундаментальных свойствах, которые не привязаны напрямую к конкретным формам исторического бытия (социокультурного «уклада» эпохи), но составляют своего рода «душу», идеальную интенцию эллинско-христианского традиционализма. «Совершенно недостаточно, – справедливо указывал по этому поводу А.В.Михайлов, – понимать всю эту... предшествующую... реализму XX века литературу как литературу *нормативную*», поскольку «так понятая нормативность схватывает только одну сторону дела...»⁴¹. Размышляя о «морально-риторическом» типе мышления, ученый проводит мысль, что «эта система отличалась огромной жизнеспособностью, поскольку внутри неё были приведены в единство, завязаны одним узлом» все важнейшие аспекты духовного бытия человека, а «...поэзия продолжала сохранять самое прямое отношение... к истине»⁴². За эйдетической установкой, могущей показаться сегодня следствием примитивного понимания бытийной корреляции сознания и реальности, на самом деле таится непреоборимая вера в онтологизм слова, в фундаментальную бытийную сопряженность мыслимого и сущего, незыблемая нацеленность на преодоление дикой стихийности жизненного процесса, на высветление и освящение мирового целого как *прекрасной упорядоченности*, интенция «приобщения к божественному началу и противостояния хаосу», пафос «„держания“ мира в состоянии гармонии»⁴³. В системе ценностей рефлексивного традиционализма «...всякая творческая инициатива должна

⁴¹ Михайлов А.В. Методы и стили литературы. М., 2008. С.14-15.

⁴² Там же. С.16-17.

⁴³ Бройтман С.Н. Историческая поэтика // Теория литературы: В 2 тт. Под ред. Н.Д.Тамарченко. М., 2004. Т.2. С.122.

быть обоснована первообразом и иметь в нем опору»⁴⁴. Существенно также и то, что, согласно логике традиционного мышления, следует быть верным вовсе не пресловутому «буквальному значению» слова (расхожее и ложное представление о традиционалистской строгости смыслополагания): следует *быть верным всей традиции* его понимания, всей истории его истолкований⁴⁵.

В данном разделе в понятийный аппарат диссертации вводится концепт «традиционное творческое сознание», обозначающий совокупность инвариантных (базовых) характеристик особого типа творческой ментальности, сложившегося в «морально-риторическую эпоху», но преодолевшего её тесные пределы и сохранившего, после череды метаморфоз, свое актуальное присутствие в историко-культурном и литературном процессе трех последних столетий.

В параграфе оговаривается целесообразность использования понятия «традиционный» (и, соответственно, «неотрадиционный»), смысловое наполнение которого отлично от привычных значений таких номинаций, как «традиционный» и «традиционалистский». Мы исходим из того, что понятие «традиционный» уже имеет устойчивые коннотации и в обиходном употреблении, как правило, подразумевает следование сложившемуся канону, заимствование известных форм и вызывает устойчивые ассоциации с «привычным», «обыкновенным» и т.д. Подобная (ретроспективная по существу) установка, как нам представляется, составляет лишь частный и достаточно узкий аспект тех интенций сознания, которые можно назвать традициоцентричными⁴⁶. Что касается определения «традиционалистский» (или «традиционистский»), то оно, как и большинство подобных номинаций с суффиксом -ск-, ощутимо несет в себе оттенок направленческой принадлежности и полагает акцент не столько на сущности явления, сколько на его отнесенности к некой исторической общности. Кроме того, в силу

⁴⁴ Там же. С.128-129.

⁴⁵ Там же. С.142.

⁴⁶ О соотношении понятий «традиция» и «традиционность» см.: *Аверьянов В.В.* Традиция и динамический консерватизм. М., 2012. С.76=82.

определенных языковых привычек нам нелегко воспринимать такого рода обозначения без негативных обертонов (ср.: «декадентский», «авангардистский», «большевистский» и т.д.). Слово «традиционный» в этом отношении воспринимается более нейтрально и не предполагает обязательных пассеистических и фракционных коннотаций.

В конце параграфа кратко суммируются основополагающие свойства традиционного миропонимания и вытекающего из него поэтологического кредо. Центральное место в этом ряду принадлежит интенциям солидарности, преемственности и ответственной причастности благу и осмысленному целому всеобщего бытия. Важнейшее значение имеет вывод о том, что существенной особенностью традиционного творческого сознания является не сугубая обращенность к прошлому и не стилистическая «традиционность» письма, а пафос метаисторической ответственности, понимание личного творчества как осуществления «общей связи», «круговой поруки», континуальности культуры, как свободного служения сверхличным целям, превосходящим ценностный горизонт отдельного человеческого существования.

Во второй главе (**«Неотрадиционализм как особый тип философско-эстетической ориентации в русской литературе неклассического периода»**) предпринимается попытка осмысления сущности и специфики неотрадиционализма в синхронном аспекте – в контексте русской литературы XX столетия, в соотнесенности с теми линиями философско-эстетической ориентации, альтернативой которым явился неотрадициональный вектор творческих исканий. Предметом изучения в данном разделе становится та особая «ветвь» новейшей русской литературы, которая, вобрав в себя опыт общеевропейского модернизма и пережив тотальное обновление, связанное с вступлением культуры в неклассический эон своего развития, не присоединилась ни к радикальному анти-традиционализму авангардного искусства, ни к регламентаристским устремлениям приверженцев новой («вторичной») нормативности.

В первом параграфе (**«Проблема традиции в эпоху индивидуального творчества. Пути становления нового традиционализма в русской литературе XIX века»**) рассматриваются процессы трансформации традиционных установок сознания под влиянием индивидуалистических тенденций романтического и постромантического времени. Прослеживается вызревание новых форм традиционности, уже не связанных столь тесно с императивно-регламентаристскими навыками минувших эпох. На примере творчества Пушкина, Достоевского, Чехова и некот. др. писателей осмысливаются пути формирования конвергентного (коммуникативно ориентированного, диалогического) литературно-художественного мышления и предпосылки возникновения неклассического традиционализма, которому суждено было в полной мере заявить о себе в постсимволистский период XX столетия.

Во втором параграфе (**«Проблема традиции в неклассическом искусстве. Поляризация творческого сознания в русском постсимволизме»**) отправной точкой размышлений становится указание на то, что на рубеже XIX – XX столетий в Европе и в России культурное сознание стремительно выходит из веками существовавших парадигматических рамок. Традиционные идейно-ценностные иерархии, начиная с предромантизма постепенно терявшие свою непререкаемую авторитетность, отныне, в условиях модернистской культуры, перестают быть не только общеобязательными, но и конвенционально общезначимыми. В то же время становится все более очевидным, что абсолютная вне-традиционность в искусстве невозможна. В «неклассическую» эпоху значительно расширяется арсенал способов освоения культурного наследия. Именно поэтому на смену вошедшему в обычай противопоставлению традиционного и контр-традиционного подходов к искусству приходит необходимость различать разные модусы взаимодействия с опытом предшественников (от эпигонства до открытого сопротивления инерции прошлого).

Существенное значение в данном разделе работы имеет тезис о том, что в результате постклассического освобождения искусства от диктата всеобщих норм осознанная приверженность традиции становится делом личного выбора и персональной инициативы творца, возможностью среди других возможностей, так как не является больше самоочевидной, всеми признаваемой ценностью и социокультурным императивом. Вследствие крушения прежней, аксиологически устойчивой картины мира, бытие предстает в облике безбрежной свободы, чреватой хаосом. В этих условиях перед художниками XX века открывались разные пути и стратегии «творческого поведения»: безоглядность эксперимента и упоение произволом (интенция авангардизма); твердая решимость не считаться с тектоническими сдвигами в эпохальном сознании и продолжать мыслить в докризисных категориях (интенция «анти-модернистски» настроенных поборников классического реализма); стремление «обезвредить» опасную свободу посредством новых нормативистских доктрин (интенция соцреализма) или, наконец, готовность – признавая необратимые ментальные изменения в мире культуры, – продолжать верить в высшую гармонию миропорядка, воплощенную в духовно-культурном предании человечества, и изнутри обретенной свободы заново искать формы приобщения к этой гармонии как к некой изначальной и неуничтожимой сущности бытия (интенция, присущая «срединной» линии творческих исканий, гипотетически квалифицируемой нами как неотрадиционализм).

В третьем параграфе (**«Дивергентный тип творческого сознания и его реализация в художественных стратегиях авангардизма»**) рассматриваются характерные признаки своевольно-индивидуалистского мироощущения, зародившегося в культуре романтизма и, после череды метаморфоз, получившего господствующее положение в искусстве декаданса, авангарда и постмодерна. Проявления дивергентного сознания (от лат. *divergere* – расходиться, удаляться в разные стороны) могут варьироваться в диапазоне от бунтарства и агрессивного самоутверждения до эгоцентрической самопоглощенности; однако общим, инвариантным признаком всех

модификаций «уединенного» (Вяч.И.Иванов) творческого мышления выступает интенция конкурирующей альтернативности по отношению к *другому* и *другим*, активное неприятие принципа духовной *солидарности* разноустремленных сознаний. Всё объективное («не-я») воспринимается носителем дивергентной ментальности как потенциально «репрессивное» и поэтому либо ниспровергается, либо наделяется статусом иллюзии, мнимости, что создает условия для безграничного произвола, релятивизма и окказиональности смыслообразования. Наиболее характерные формы проявления дивергентного сознания в искусстве прослеживаются на материале поэзии и манифестов русского футуризма.

В четвертом параграфе (**«Неонормативистский тип творческого сознания и его реализация в художественных стратегиях соцреализма»**) предметом осмысления становится «дискурс власти» в русской литературе и философско-эстетическом мышлении XX века, а именно – различные формы проявления регламентаристского, «нормативно-ролевого» (В.Тюпа) типа ментальности, тяготеющего к ценностной унификации, единомыслию, жесткой иерархичности и практикующего императивные, монологические стратегии письма. В условиях постклассического культурного сознания названные интенции (полнее всего проявившиеся в соцреализме) выступают как устремленность ко вторичной, рецидивной нормативизации искусства по образу и подобию классицизма и могут быть квалифицированы как попятное, реставрационистское движение к более архаичным (до-романтическим) формам творческого мышления.

Пятый параграф (**«Между "поэтикой произвола" и идеологическим диктатом. Обзор концепций, посвященных "срединной" линии в русской словесности XX столетия»**) посвящен рассмотрению литературоведческих моделей и гипотез, имеющих своим предметом те особые явления в русской литературе и поэтологии постклассического периода, которые занимают равноудаленное положение между «полюсом» дивергентного мышления, воплощенного искусством авангардизма и постмодерна, и «полюсом»

неонормативистского сознания, представленного творчеством идеологически ангажированных писателей XX века. Концепции «неоклассицизма», «неореализма», «семантической поэтики», «метареализма» и др. расцениваются как не тождественные, но в целом ряде аспектов созвучные теоретические конструкты, имеющие существенные точки соприкосновения с концепцией неотрадиционализма.

В шестом параграфе (**«Гипотеза В.Тюпы о неотрадиционализме. Конвергентное сознание как неклассическая модификация традиционной ментальности»**) излагаются обстоятельства возникновения (и введения в научный обиход) термина «неотрадиционализм» в том его значении, которое мы берем за основу в настоящем диссертационном исследовании. Здесь же дается характеристика феномена «конвергентной»⁴⁷ (В.Тюпа) ментальности, реализующейся в диалогической взаимоустремленности самобытных, суверенных сознаний и определяющей духовно-ценностное своеобразие неотрадиционального творчества⁴⁸. Особое внимание обращается на то, что выдвинутая в середине 90-х годов В. Тюпой гипотеза о неотрадиционализме как литературной реализации конвергентного мышления позволяет более полно и точно определить философско-эстетическую и художественную специфику той особой линии развития неклассической отечественной словесности XX века, которая в равной мере альтернативна как фатальной несвободе доктринально-нормативистского искусства, так и безграничному произволу радикально-индивидуалистического творчества.

Седьмой параграф (**«Релятивность неклассического сознания и проблема релятивизма в аксиологии и художественной семантике»**) представляет собою краткий экскурс в проблематику постклассического культурного мышления, характеризующегося структурной многоуровневостью и особым динамизмом. Релятивность (или реляционность), присущая такого рода

⁴⁷ От лат. *convergere* — сближаться, сходиться.

⁴⁸ См.: Тюпа В.И. Дискурсные формации. М., 2010. С. 124-139.

мышлению, делает невозможным существование статичных, замкнутых и самодостаточных ценностно-смысловых систем, в художественно-семантической сфере тяготеющих к поэтике «готового слова». Однако подвижная соотносительность явлений и величин в неклассической картине мира отнюдь не тождественна так называемому релятивизму, открывающему простор для признания условными и необязательными (а в сущности – фиктивными) любых культурных универсалий и аксиологических конвенций. Конвергентное сознание неотрадиционализма утверждается как в равной мере альтернативное по отношению и к интенциям семантической однозначности, превалирующим в неонормативизме, и к сползанию в «сколь-угодно-значность» (И.Роднянская), окказиональность, характерные для дивергентного мышления.

В восьмом параграфе (**«Концепт "неотрадиционализм" в современных исследованиях о русской литературе XX века (К истории термина)»**) прослеживается судьба термина «неотрадиционализм» в отечественной литературоведческой науке 1990-х – 2010-х годов. Рассматривается теоретическая эволюция названного концепта, начиная от первых его упоминаний в работах В. Тюпы и кончая исследованиями последних лет, где номинация «неотрадиционализм» фигурирует в качестве сравнительно устоявшегося историко-литературного и поэтико-эстетического понятия. Существенную роль в параграфе играет указание на методологические сложности и соблазны, возникающие вследствие недостаточно строгого употребления данного термина (в не до конца отрефлексированном или субъективно-произвольном значении). Отдельное внимание уделяется тому обстоятельству, что в изданной в 2010 году книге «Дискурсные формации» В.Тюпа, продолжая размышлять о природе «солидаристского», диалогического сознания, переносит ключевые исследовательские акценты из области поэтики и эстетики в область менталитетной компаративистики, неориторики и дискурсологии. Концепт «неотрадиционализм», сохранив свое прежнее значение, отходит здесь на второй план и возводится к более универсальным

типологическим категориям, таким как «конвергентное сознание», «неориторическая дискурсная формация», «дискурс ответственности» и т.п. Сосредоточившись на ментально-коммуникативных и дискурсологических аспектах проблематики, В.Тюпа не углубляется в изучение генетической связи новых традициоцентрических устремлений с классическим («рефлексивным») традиционализмом. Характеризуя творческие установки традициоцентрично ориентированных писателей XX столетия, исследователь гораздо больше внимания уделяет ментальным и риторическим новообразованиям двух последних веков, в частности – таким свойствам неклассических художественных стратегий, как вероятностность и вариативность смыслополагания, полицентричность, интерсубъективность, аллюзивность, высокоразвитый диалогизм и т.д. Рефлексивный традиционализм ассоциируется ученым с «дискурсом власти», что приводит к сближению/объединению классического традиционализма и соцреализма в рамках единого «нормативно-ролевого» менталитета⁴⁹. Такое решение вопроса, на наш взгляд, оставляет своего рода «лазейку» для тех, кто хотел бы воздвигнуть непреодолимый барьер между «морально-риторическим» («эйдетическим») мышлением минувших эпох и новейшим конвергентно-диалогическим сознанием. Ведь в части коммуникативных стратегий законным наследником исконного традиционализма и впрямь выглядит новейший нормативизм (практикующий те же регламентаристские и монологические формы дискурсивности), а никак не бахтинский «диалог согласия» с его открытостью к тайне чужого «я». Но если согласиться с идеей о полной противоположности неклассического конвергентного сознания сознанию «эйдетическому»⁵⁰, то остается не совсем понятным, к чему бы называть неклассическое явление именем кардинально антагонистичного ему феномена («нео-традиционализм»). И это обстоятельство безусловно вызывает к существенному прояснению.

⁴⁹ Тюпа В.И. Дискурсные формации. М., 2010. С.100-140.

⁵⁰ Термин, используемый С.Бройтманом для характеристики традиционалистского сознания.

В девятом параграфе (**«Теоретико-методологический контекст нового традиционализма в гуманитарной культуре XX столетия»**) осуществляется краткий экскурс в идейное наследие ряда мыслителей и ученых XX века, проблематика и направленность творчества которых созвучны аксиологии литературного неотрадиционализма. Это прежде всего Т.С.Элиот, Г.Г.Гадамер и М.Бахтин. Предметом основного внимания здесь становятся присутствующие в трудах названных авторов интенции онтологической ответственности, традициоцентричности, культурной солидарности и диалогизма.

В десятом параграфе (**«Неотрадиционализм как философско-эстетический и литературно-художественный феномен. Поэтологические интенции и художественные стратегии неотрадиционального творчества»**) дается целостная характеристика литературного неотрадиционализма в ментально-миросозерцательном и практически-творческом аспектах; в системном единстве рассматриваются онтологические, аксиологические, собственно эстетические и поэтико-стилистические тенденции неотрадиционального творческого сознания. Постулируются основополагающие для данного типа ориентации устремления и свойства, такие как осознанная и свободная приверженность объективному (всеобщему, бытийно-непреложному), ответственный персонализм, пафос причастности высшим началам бытия, поиск органичного синтеза экзистенциальности и универсализма, личной суверенности и культурной солидарности, признание сверхиндивидуального (онтологического) характера ценностей и утверждение интерсубъективной (диалогической) природы творчества, вера в благую осмысленность бытия, поиск новых форм актуализации «вечных» ценностей, стремление к сопряжению традиционных констант эллинско-христианской культуры с наиболее ценными завоеваниями русско-европейского модернизма, тяготение к динамически-открытой концепции миропорядка в сочетании с принципиальным неприятием любых форм своевольного субъективизма и релятивизма, коммуникативная «открытость», «аллюзивность» смыслообразования, обращенность к «провиденциальному собеседнику»

(О.Мандельштам), приверженность к освященным традицией («архетипическим») сюжетам, мотивам и символам в сочетании с поиском новых форм их художественной презентации, забота о максимальной обобщенности (общезначимости) художественного высказывания при сохранении индивидуальной самобытности персонального мироощущения и т.д. Подчеркивается процессуально-векторный (открытый и «проективный») характер неотрадиционального мышления, проявляющийся в несклонности к любому фракционному обособлению и доктринальной замкнутости, в стремлении пребывать в перманентном диалоге с существенно иными и разнородными линиями философско-эстетических исканий.

Чрезвычайно важное значение в данном разделе имеет тезис о том, что инициированный неотрадиционально мыслящими творцами *поворот к объективному* осуществлялся через свободное и ответственное приятие всеобщего тезауруса культуры как безусловной реальности, с которой нельзя не считаться – не потому, что она репрессивна, а потому что она *реальна*. *Возвращение объекта* возвращало и субъекту онтологическую опору, делало его в полной мере субъектом, т.е. таким началом, которое опознается и определяется исключительно в отношении к *Другому*. Именно в неотрадициональной среде созрело понимание того, что высшие ценности – не только и не столько неодолимая необходимость, фатальный «закон», сколько инспиративное, окрыляющее и радостотворное начало. «Ибо, – как писал в 1920 году М.Гершензону один из первопроходцев русского неотрадиционализма Вяч.Иванов, – благоговения мои свободны, – ни одно не обязательно, и каждое открыто и доступно...»⁵¹. О.Мандельштам, убежденный в том, что «теперь всякий культурный человек – христианин», прозревает в «христианском искусстве» «не жертву... а свободное и радостное подражание Христу», «радостное богообщение», поскольку «вся наша двухтысячелетняя

⁵¹ Иванов В.И. Родное и вселенское. М., 1994. С.115.

культура благодаря чудесной милости христианства есть отпущение мира на свободу...»⁵².

Многочисленные персональные варианты неотрадиционного творчества являют собою парадоксальное сочетание типологической общности и индивидуального разнообразия. Порождая разные, зачастую весьма несходные литературные стратегии и стили, неотрадиционный тип ориентации имел постоянную аксиологическую доминанту; и в силу этого персональные творческие «траектории» отдельных представителей данной формации воспринимаются не как совпадающие или параллельные линии, а как своего рода «радиусы», идущие из разных точек к единому центру.

С точки зрения нового традиционализма, решающее значение имеет именно *свободная верность традиции*, инициативный и творческий аспект солидарности с усилиями минувших поколений («активная роль культурной памяти в порождении нового»⁵³). Это обращенность не *назад*, а к своего рода вечному *центру*, который никогда не позади, а всегда высоко *над* всем, чего удалось достичь в прошлом (это, согласно Мандельштаму, «то, что должно быть, а не... то, что уже было»⁵⁴), «понимание той истины, что прошлое не только прошло, но и продолжается сегодня...»⁵⁵. Осознание этих интенций позволяет лучше понять известные слова Мандельштама: «...вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему. Я хочу снова Овидия, Пушкина, Катулла...»⁵⁶. В основе подобного понимания традиции, по Вяч.И.Иванову, «утверждение вертикальной линии, могущей быть проведенною из любой точки, из любого "угла", лежащего в поверхности какой бы то ни было молодой или дряхлой культуры», поскольку «на каждом месте... Вефиль и лестница Иакова, – в каждом центре любого горизонта» и поскольку «...не только монументальна культура, но и инициативна в духе. Ибо память...

⁵² Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем: В трех томах. М., 2010. Т.2. С.50, 37.

⁵³ Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2005. С.365.

⁵⁴ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем... Т.2. С.52.

⁵⁵ Элиот Т.С. Традиция и индивидуальный талант // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX XX вв. М., 1987. С.172.

⁵⁶ Полн. собр. соч. и писем... Т.2. С.51.

приобщает... «инициациям» отцов и... сообщает им силу новых зачатий, новых починов»⁵⁷.

Новый традиционализм начинается с принципиального принятия факта произошедших «тектонических» сдвигов в культуре. Неотрадиционально ориентированные авторы осознавали себя пребывающими в необратимо пост-классическом мире, уже не обеспеченном (как раньше) «готовыми» смыслами и ценностями, и пытались искать пути к *безусловно ценному* «изнутри» этой ситуации, что сообщало их солидаристским устремлениям характер дерзновенного «заговора против пустоты и небытия» (О.Мандельштам). Это своего рода вторичная культурная солидаризация, реализуемая суверенными субъектами, умудренными (и в известном смысле обогащенными) опытом пережитой и творчески осмысленной индивидуации. Не поиск новых ценностей, а поиск новых модусов восприятия традиционных святынь, поиск такого осмысления этих «абсолютов», которое ставило бы их в позицию не музейных экспонатов, а жизненно-значимых и вдохновительных начал культурного творчества.

Вторая часть диссертации (**«Неотрадиционализм в философско-эстетическом сознании и художественном творчестве русских писателей XX века»**) состоит из двух глав, имеет аналитический характер и посвящена рассмотрению индивидуальных творческих «траекторий» отдельных писателей, а также включает в себя монографические разделы, содержащие комплексный разбор конкретных художественных текстов.

Первая глава (**«Неотрадиционализм в философско-эстетической рефлексии и лирической поэзии 1-й половины XX века»**) состоит из девяти разделов, главными «героями» которых являются наиболее репрезентативные для неотрадициональной линии исканий фигуры, чьи основные творческие достижения приходятся на 1910-е – 1960-е годы минувшего века. Это Вяч.И.Иванов, О.Мандельштам, А.Ахматова, В.Ходасевич и Л.Гинзбург (в качестве прозаика).

⁵⁷ Иванов Вячеслав. Родное и вселенское. М., 1994. С.121, 134, 122.

В разделах 2.1.1 («**”...все мы – одна система вселенского кровообращения...”**: Творческий путь и философско-эстетические воззрения Вячеслава Иванова») и 2.1.2 («**”...в заговоре против пустоты и небытия”**: Онтологическая проблематика в раннем творчестве О.Мандельштама») в центре внимания оказывается процесс становления и эволюции неотрадициональных воззрений у названных писателей. Раскрывается роль Вяч.Иванова как провозвестника и теоретика нового традиционализма в русской культуре серебряного века; подробно рассматриваются проблематика, пафос, основные положения литературно-критических и философско-поэтологических текстов писателя; анализируется его концепция «реалистического символизма»; особое место уделяется анализу полемики Иванова со своевольно-субъективистскими идеями декадансной эстетики; акцентируется внимание на последовательной устремленности вождя русских «младосимволистов» к синтезу эллинизма и христианства, нового персоналистского самосознания и «соборного» мышления, восходящего к древним сакральным истокам. Архитектурная топика О.Мандельштама рассматривается в контексте его онтологических исканий и его критики произвольно-индивидуалистских, эгоцентрических тенденций в литературе и поэтологии рубежа XIX-XX веков. Напряженные поиски поэтом новой классичности в условиях неклассической культурной действительности осмысливаются как центральное по значимости явление в литературном процессе постсимволистского периода.

В разделе 2.1.3 («**”Музыка” как преодоление хаоса и небытия (“Концерт на вокзале” О.Мандельштама)**»)) осуществляется комплексный анализ одного из самых трудных для интерпретации стихотворений русского поэта-акмеиста; главное внимание уделяется мотивам и образам, символизирующим торжество новой, динамически осмысленной гармонии над бесчеловечной реальностью «железного мира», в условиях распавшейся связи времен.

Разделы 2.1.4 («**Будничное в свете таинственного (“Гляжу на грубые ремесла...” В.Ходасевича)**») и 2.1.5 («**Первая “Баллада” В.Ходасевича:**

“пушкинская парадигма” и символистская теургия») посвящены разбору двух стихотворений, имеющих существенное значение для понимания специфики воплощения неотрадициональных интенций в творчестве автора «Тяжелой лиры». Центральное место в названных разделах занимает осмысление роли сакрально-религиозных, метафизических мотивов, а также пушкинских реминисценций, выполняющих роль своеобразных знаков духовной солидаризации с вечно живым наследием русского «золотого века» и великой эллинско-христианской культуры. Прослеживается специфика художественного синтеза теургического и классического начал в поэтике и семантике текста. Ряд принципиальных наблюдений касается особенностей присутствующей в стихотворениях субъектной инстанции, тяготеющей к предельной обобщенности мифопоэтического характера.

Раздел 2.1.6 (**«Природа и искусство перед лицом универсума (“Куст” М.Цветаевой)»**) представляет собою структурно-семантический анализ двухчастного лирического цикла, посвященного сложным и драматичным взаимоотношениям человека-творца и природно-космической стихии. В художественной символике диптиха выявляются семантически очень значимые переключки с сакральной символикой библейских и молитвенно-литургических текстов, чрезвычайно усиливающие универсализм реализуемого сюжета, однако поэтико-стилистические стратегии Цветаевой обнаруживают ощутимую устремленность к провокативной экспрессивности, характерной для поэзии авангардизма. В результате цветаевский текст предстает как пограничное, основанное на столкновении конвергентных и дивергентных интенций художественное высказывание.

В разделе 2.1.7 (**«Петербургский топос как пространство истории и культуры (“Ведь где-то есть простая жизнь и свет...” А.Ахматовой)»**) предпринимается попытка целостной интерпретации текста через рассмотрение использованных автором мотивов и образов. Главным объектом внимания здесь является петербургская топики, функционирующая в смысловой структуре стихотворения на правах сложного символического комплекса,

олицетворяющего драматически-напряженную, исторически ответственную духовность особого типа, порожденную «всемирно отзывчивой» ориентацией послепетровской культуры.

В разделе 2.1.8 (**«Интертекстуальность как форма осознанного взаимодействия с традицией (Стихотворение А.Ахматовой "Творчество")»**) анализируются функции реминисценций в ахматовском тексте, образующих своеобразное поле диалога с предшественниками и современниками. Так же, как и в стихотворениях Мандельштама, Ходасевича и Цветаевой, здесь целенаправленно осмысливается поэтологическая проблематика и в особенности – неотрадициональная концепция вдохновения, поэтически реализуемая путем привлечения пушкинских мотивов и посредством аллюзий на пушкинские тексты о природе творческого служения («Пророк», «Осень» и др.).

Раздел 2.1.9 (**«"Мысль, описавшая круг" Л.Гинзбург как художественно-философское исследование»**) посвящен рассмотрению проблематики и семантической структуры одного из образчиков «промежуточного» жанра в прозаическом наследии писательницы, до середины 80-х годов более известной специалистам в качестве ученого-филолога и историка литературы. Предметом преимущественного внимания в данном разделе является философско-аксиологический аспект содержания анализируемого текста. Важнейшие наблюдения и выводы касаются парадоксального движения мысли повествователя от критического (и по сути демифологизирующего) анализа сакрально-метафизических установок сознания к утверждению и апологии тотальной метафизичности культурного бытия, а также – к утверждению объективно-сверхличной природы высших ценностей. Исходная психологическая «неопертость», «беспочвенность» ценностного мироощущения нарратора не выдерживает испытания художественно-философским анализом, опирающимся на освященные традицией универсалии европейской духовной культуры. Вопреки естественной склонности к скепсису и сомнению повествователь как бы индуцирует обобщения безусловно-

мироприемлющего характера, перед которыми сам же вынужден отступить, признав тем самым торжество «соборного» культурного опыта.

Вторая глава (**«Неотрадиционализм в русской поэзии 1970-х – 2000-х годов»**) включает в себя два раздела.

В первом из них (**«Диалектика обыденного и вечного в стихотворении И.Бродского "24 декабря 1971 года"»**) осуществляется комплексный анализ известного «рождественского» текста русского поэта; исследуются особенности взаимодействия в семантической структуре стихотворения, с одной стороны, образов прозаично-грубой позднесоветской действительности и, с другой стороны, – сакральных универсалий, библейских символов, создающих религиозный фон и патетический подтекст реализуемого сюжета. Несмотря на иронически-сниженную атмосферу первой части (описание предновогодней толчеи в гастрономах), упоминание «волхвов», «Вифлеема» и других евангельских реалий обеспечивает глубокую смысловую перспективу, приобщающую все «жалкие» будничные предметы к большому хронотопу Священной Истории и возводящую всё малое, бестолковое и грешное к великим первообразам и прецедентам христиански осмысленного универсума. Во второй части стихотворения прошлое, настоящее, грядущее и вечное устремляются навстречу друг другу, небесное смыкается с земным, священное – с повседневным, а самому обычному – уязвимому и немощному – человеку открывается чудесный просвет в область бессмертного.

Во втором разделе (**«Пространство смысла в "Невидимых" Б.Кенжеева»**) осуществляется рассмотрение мотивной структуры и специфики субъектности в книге стихов Б.Кенжеева «Невидимые». Особый акцент здесь делается на «аллюзивном» характере используемых поэтом художественных стратегий. Благодаря этой особенности читатель вовлекается в активный, эвристический диалог с субъектом лирического высказывания, получает возможность самостоятельно актуализировать потенциальные смысловые значения структурных элементов текста. Однако эта эскалация читательского сотворчества не переходит в русло окказионального смыслотворения,

поскольку интерсубъективное взаимодействие сознаний опирается на «твердые» смыслы общезначимых универсалий (преимущественно христианских), задающих подвижную, но прочную систему координат для всего происходящего в поэтическом мире.

В **«Заключении»** подводятся общие итоги выполненной работы и формулируются выводы, содержащиеся в положениях, выносимых на защиту.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих **публикациях** автора (28 публикаций общим объемом 48 п.л.):

Монографии и учебное пособие:

1. «Есть ценностей незыблемая скала...»: Неотрадиционализм в русской поэзии 1910 – 1930-х годов. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. – 185 с.
2. «В заговоре против пустоты и небытия». Неотрадиционализм в русской литературе XX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. – 223 с.
3. Современный литературный процесс в России (рубеж XX – XXI вв.): Учебно-методическое пособие. М.: Изд-во ПСТГУ. 2009. – 90 с.

***Научные публикации в ведущих рецензируемых журналах,
рекомендуемых ВАК РФ:***

4. Лирический цикл «Куст» М.И.Цветаевой: семь интерпретаций // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2010. Вып. 3 (21). С.9-28.
5. «Мир, организованный вокруг текста»: размышления о книге И.З.Сурат «Мандельштам и Пушкин» // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2011. Вып. 1 (23). С.169-173.
6. «Говоря ненаучно...»: о двухтомнике И.Б.Роднянской «Движение литературы» // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2011. Вып. 2 (24). С.171-176.
7. «Гляжу на грубые ремесла...» В.Ходасевича как постсимволистский текст // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2011. Вып. 4 (26). С.56-66.
8. «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» А.Ахматовой: особенности мотивно-образной структуры // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2012. Вып. 1 (27). С.90-105.

9. «И Господь его знает, куда плывем...»: Мотив скитаний и позиция лирического субъекта в «Невидимых» Б.Кенжеева // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2013. Вып. 1 (31). С.71-82.
10. Итоги и предвосхищения. [Рец.:] Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции: Материалы Международной научной конференции (Москва, 26 – 27 ноября 2010 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2012. – 320 с. // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2013. Вып. 2 (32). С. 141-150.
11. Онтология релятивности в неклассической словесности (К вопросу о новом традиционализме в русской литературе XX века) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/117-13452>
12. «То и празднуют нынче везде...»: Диалектика обыденного и сакрально-метафизического в стихотворении И.Бродского «24 декабря 1971 года» // Вестник МГОУ. 2014. № 3. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/575>
13. К вопросу о новом традиционализме в русской литературе XX века (аксиологический аспект) // Известия ВГПУ: Серия «Филологические науки». 2014. Вып. 7 (92). С. 159-164.
14. «Мысль, описавшая круг» Лидии Гинзбург как художественно-философское исследование // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2014. Вып. 4 (39). С.46-67.
15. Первая «Баллада» В.Ходасевича как неотрадиционалистский текст (Опыт интерпретации) // Известия ВГПУ: Серия «Филологические науки». 2014. Вып. 10 (96). С.132-143.
16. Концепт «неотрадиционализм» в современных исследованиях о русской литературе XX века (К истории термина) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №11. URL: <http://www.online-science.ru/m/products/filologicheskie-nauki/gid2076/pg0/>
17. К вопросу о поляризации творческого сознания в неклассическую эпоху развития русской словесности // Современные исследования

социальных проблем. 2014. № 7. URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/720145>

18. Русский литературный неотрадиционализм XX века в контексте философской и эстетико-аксиологической проблематики творческого сознания // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 9.

URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/920143>

Работы, опубликованные в других изданиях:

19. Трагическое и ироническое в раннем творчестве Маяковского // Вопросы эстетики в контексте художественной литературы: Межвузовский сборник научных трудов. М., 1992. С.41-47.

20. Творчество В.В. Маяковского. Лирический герой ранней поэзии. Библийские мотивы и образы // Русская литература. XX век. Справочные материалы. М., 1995. С.218-226.

21. Соотношение духовной темы и духовной сути в детской словесности // Вестник ПСТГУ IV: №1. 2005. С.75-89.

22. Стихотворение А.Ахматовой «Творчество»: Опыт прочтения // Материалы XV ежегодной Богословской конференции ПСТГУ. Т. 2. М., 2005. С.25-33.

23. К вопросу о специфике и предпосылках онтологизма в ранней поэзии Мандельштама // Вестник ПСТГУ: Серия: «Филология. История». № 4. 2005. С.37-55.

24. О маскультных элементах в прозе Ю.Н.Вознесенской // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2007. Вып. 2 (8). С. 130-145.

25. Об одном «неудавшемся» стихотворении Владислава Ходасевича // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2007. Вып. 4 (10). С.63-94.

26. «Концерт на вокзале» О.Э.Мандельштама: пять разборов // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2008. Вып. 2 (12). С.22-38.

27. К вопросу о духовном смысле поэзии Н.Рубцова // Н.М.Рубцов и Православие. М., 2009. С.323-328.

28. А.И.Солженицын в «Дневниках» о.Александра Шмемана // Александр Солженицын в диалоге со временем. К 95-летию писателя. Калининград, 2013. С.54-61.